

УСМИРИ ЗВЕРЯ

РОЗАЛИНДА ШТОРМ

16+

Розалинда Шторм
Усмири зверя

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шторм Р.

Усмири зверя / Р. Шторм — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Страшно быть отданной замуж без любви. Куда ужаснее – превратиться в рабыню подземной Обители и никогда не видеть солнца. Вот только и эта участь меркнет, если попадешь в десятку несчастных, из которых сам Темный бог выберет себе невесту. Но я, Виола Майлини, не сдамся! Ради счастья буду бороться до конца, ради любви усмирю зверя.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвертая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Глава первая

Голова кружится, перед глазами летают радужные круги. Пальцы дрожат, сердце бьется, словно раненая птица, но я все равно подношу к губам флейту. Неприятные ощущения не могут заставить меня бросить играть, ведь музыка – это основа жизни, сама жизнь.

Десятки пар глаз прожигают во мне дыры, но мучительное внимание незнакомцев лишь добавляет в мешанину чувств острого перца. Пусть смотрят, я с радостью дам им возможность прикоснуться к прекрасному, чудесному, лучшему, что есть на свете.

Низкий голос флейты устремляется вверх, волшебные звуки околдовывают, заставляют забыть обо всем. Шепотки замолкают, чужие взгляды становятся острее, раня, будто тонкие стилеты, но я не прячусь, раскрываясь перед ними, вбирая эмоции, даруя освобождение.

Чужие чувства горчат и пьянят, словно дяньский бальзам, но они же преподносят ни с чем не сравнимое ощущение полета. Будто бы я лечу вслед за мелодией, купаюсь в дивных звуках.

Но рано или поздно приходит конец всему, я опускаю флейту, чтобы остаться на ногах, а не рухнуть на паркет. На смену эйфории приходит боль, проносится нестерпимым спазмом по телу и затаивается в груди, будто ядовитая змея. Змея, готовая в любой момент вновь пустить в ход свое жало. Впрочем, я только улыбаюсь – это небольшая плата за возможность прикоснуться к божественному искусству. Теперь, главное, устоять и не выказывать чужакам, как мне сейчас больно.

– Леди Майлини. Леди Виола, вы волшебница! – голос маркиза Зеофира разорвал тишину.

Следом за хозяином вечера и остальные гости, до того не сводившие с меня напряженных взглядов, расслабились. Зал взорвался аплодисментами. Мужчины бурно восхищались талантом и красотой. А женщины, неодобрительно косившиеся на не особо богатое платье, позволяли себе улыбки.

Впервые со дня отъезда старшей сестры я почувствовала нечто похожее на счастье. Но заметив воодушевление на лице отца, нахмурилась. Не желая того, я с блеском выполнила приказание Майлини: меня заметили, мной восхитились. А, значит, шанс на то, что отец сумеет выгодно пристроить и младшую дочь замуж, повысился.

Я хотела выставить себя неумелой, но не сумела. Музыка всегда была моей слабостью, и отец это прекрасно знал, а потому, не сомневаясь, воспользовался. Возможно, совсем скоро я, как и Айя, отправлюсь в неведомые дали навстречу будущему мужу.

Все началось два дня назад. Я только-только пришла в себя после расставания с сестрой и решила отправить ей письмо, чтобы Айя получила послание сразу по приезде в новый дом. Спустилась, чтобы найти управляющего, но наткнулась на отца. С некоторых пор барон Майлини приказал следовать за собой в кабинет.

– Дочь, – проговорил отец, едва закрылась дверь. – Ты догадываешься, зачем я тебя позвал?

Пожала плечами, украдкой поглядывая на него. Смотреть прямо в глаза побаивалась. В прошлый раз за такую вольность и чрезмерно непочтительный тон отец наказал меня поркой и велел отобрать флейту на месяц. Из-за флейты я проплакала два дня, потом замкнулась в себе. Если бы не сестра, наверное, лишилась рассудка. Именно тогда поняла, что для отца мы только товар, который нужно подороже продать.

– Так и быть, просвещу, неразумное дитя, – продолжил он, не догадываясь, какие мысли бродили в моей голове. – Пришел твой черед, Виола.

Я невольно отшатнулась, будто передо мной был не Майлини, а сам Темный в его обличье. И тут же шагнула обратно, опасаясь очередного наказания. Однако мое нелепое телодвижение лишь рассмешило отца. Было видно, он наслаждался произведенным эффектом.

– Неужели я такой страшный?!

Молчала, судорожно сжав зубы. Ведь, итак, ясно, вопрос не требовал ответа.

– Впрочем, мне все равно, Виола. Главное, ты сделаешь то, что я скажу.

Мне захотелось оказаться где-нибудь далеко-далеко отсюда. Например, в домике деда, отца матери, где я была всего лишь однажды, но запомнила тот день навсегда.

Моя мать – беглая дзяньская шаманка, поступившая заветами предков. Израненная и полуживая, она набрела на караван, возглавляемый Майлини, и осталась с ним. Какую выгоду углядел отец, мне не ведомо, но он связал женщину по рукам и ногам. Через год родилась я. Когда мне исполнилось шесть, Майлини сжалился над мамой и позволил ей навестить родных, дабы она вымолила прощение. Дед простил и отпустил с миром, обязав передать некие знания мне. Вот только я так ничего и не узнала, мама сбежала вновь на этот раз навсегда.

– Айя выполнила свой дочерний долг, – заговорил отец, вытаскивая из воспоминаний. – Пришел и твой черед, Виола.

Он выбрался из-за стола, обошел меня, внимательно оглядывая. Под этим тяжелым взглядом я поежилась.

– Через два дня в имении маркиза Зеофира ожидается бал, на котором пройдет импровизированный смотр талантов. Все проявившие себя будут награждены. Я надеюсь на тебя и твое умение, дочь.

– Вы желаете получить награду, отец? – спросила недоуменно.

Барон рассмеялся.

– Конечно же, нет. Я хочу, чтобы после твоего выступления все гости мужского пола хотели назвать тебя своей женой.

Как ни гнала я грустные мысли, чуда не случилось. Пришел и мой черед продать себя подороже ради благополучия того, кто никогда не считался ни с чьим мнением.

Тяжелый вздох сдержать я не сумела.

– Не нужно драматизировать, Виола. Судьба женщины – стать женой и матерью, иной и ждать не следует. А если постараться, твой муж будет богат и знатен.

– Разве ж в богатстве счастье? – сказала, не подумав, и тут же поплатилась за длинный язык. Пощечина мигом отрезвила и заставила замолчать.

– Не тебе решать! – прикрикнул Майлини. – Твоя ненаглядная матушка дорешалась. Убежала вслед за любовью и что, вместо сытости и комфорта нашла смерть в сточной канаве! Ты хочешь того же?!

Я замотала головой.

– Имей в виду, дочь, каждая твоя ошибка отразится на сестре. Пока Айя не надела брачный обод, я всегда смогу придумать причину и отменить свадьбу. И тогда ей не поздоровится. Знай, твой промах – ее боль. Поняла?

Сейчас, как никогда, я хотела его ударить: сильно, больно, до крови. Но лишь кивнула.

– И не прячься по углам, как обычно. Вот-вот должна прийти портниха.

На этом отец разговор закончил. Взмахом руки он велел мне убираться. Я уныло брела к себе, когда меня перехватили. Обещанная отцом мастерица сцапала под локоток и потащила за собой. Сопротивляться сил не было, будущее выглядело серым и мрачным. Впрочем, далеко меня не увели. Некогда пустовавшую комнату на этом же этаже в спешном порядке оборудовали в мастерскую. Там-то мной и занялась не умолкавшая ни на секунду дамочка: обмеряла, накидывала на плечи обрезы ткани, хмыкала, качала головой, пока, наконец, не подобрала то, что подходило. На меня мастерица внимания не обращала, будто я была бессловесной куклой. Зато вслух говорила сама с собой.

Когда с выбором было закончено, мастерица начала шить. Мне велела присесть рядом в креслице и не мешать. Она явно использовала магию, ведь лишенный силы человек вряд ли бы сумел работать столько быстро. Иголлка так и мелькала.

Следующая примерка состоялась часа через два, когда я уже устала следить за действиями швеи. Тело затекло на неудобном кресле, глаза слипались, мне было ужасно скучно.

– Так, милочка, поднимайся, – велела мастерица.

Заставила снять домашнюю одежду и упаковала в серебряное платье. Дошивала его уже на мне, периодически укалывая иголлкой. Я только и успевала ойкать да дергаться.

Когда все было готово, мастерица пригласила барона. Отец удовлетворенно осмотрел наряд и расстался с небольшим мешочком денег. И вот спустя день я в том же платье стояла на импровизированной сцене и слушала похвалы от гостей маркиза Зеофира.

Когда гостям надоело меня хвалить, я спустилась с помоста, аккуратно затесалась в их ряды и позволила себе посмотреть выступление другие. Впрочем, ни меня, ни зрителей не впечатлила игра оставшихся участников смотра. Баронесса Грог слишком сильно лупила по клавишам, отчего звук получался рубленным, лишенным гармонии. Скрипка в руках маркизы Зеофиры, хозяйки вечера, скорее умирала в неловких руках, чем пела. Гости чудом дождались окончания партии и с чистой совестью отправились танцевать.

Возбуждение, ушедшее после игры, вернулось. Я с радостью принимала внимание противоположного пола. Бароны и баронеты, графы и маркизы и даже, о чудо, герцог Нилидер – известный банкир – одаривали комплиментами и всячески сражались за мою благосклонность. Я невесомой пушинкой порхала между ними, впитывая восхищение.

Танцы шли один за другим, ни разу я не подпирала стен, записная книжечка была заполнена заявками. К тому времени, когда некоторые дамы поспешили припудрить носики и отдохнуть, я едва стояла и не могла отдышаться. Однако все равно ощущала невероятный восторг. Тем более мне, наконец, удалось разобраться в себе.

Высокий стройный гибкий, он влек меня гипнотическим блеском черных глаз, вызывая некие ранее не изведанные чувства. Сердечко трепетало, стоило ему дотронуться до ладони или чуть ближе, чем нужно, прижать меня к груди. Граф Мариаме Горсе – прекрасный, словно бог и чувственный, будто мифический кириин.

Я с упоением вдыхала аромат его тела, с трудом контролируя собственное тело.

– Вы прекрасны, леди. – Жаркое дыхание обдало кожу, отчего я задрожала, будто в лихорадке. – Прелестный цветок сегодняшнего вечера.

– Благодарю, ваша светлость, – срывающимся голосом ответила я. – Мне, право, неловко.

– Не нужно робеть, дорогая. Лучше выпейте. Здешнее вино превосходно.

Он подал бокал, а после пригубил свое вино. Я судорожно облизала пересохшие губы, не сводя глаз с его чувственного порочного рта. В тот момент мне самой хотелось стать бокалом, чтобы граф вот так же ласкал и меня.

Чудом сдержав стон, опустила взгляд. Умом я понимала, вряд ли граф заинтересовался мной как будущей женой, но не могла заставить себя думать об этом. В мечтах я в свадебном платье стояла рядом с Горсе в храме, ожидая решения богов.

– Пейте, дорогая, – подал он голос. – Уверен, вы ни разу не пробовали такое вино.

Конечно, не пробовала. Я, вообще, ни разу не пила вина. В Черных Дубравах только отец мог себе позволить бокал другой, и все бутылки хранились в его кабинете.

– Да, конечно, – пробормотала чуть слышно и сделала глоток.

Пузырьки зацепали рот, попали в нос, я выпучила глаза и закашлялась.

– Милый испуганный зверек, – шепнул Горсе на ухо. – Вы не представляете, как прекрасны.

Я покраснела и машинально допила все вино.

– Думаю, с вас хватит, – граф забрал пустой бокал из моментально ослабевших пальцев. – Потанцуем, этот танец вы обещали мне.

Я нашла в себе силы кивнуть. А потом приняла руку графа, чтобы чуть позже ощутить на своей талии его жаркую ладонь.

– Чувственная малышка, – то ли показалось, то ли граф, правда, сказал это. Впрочем, в тот момент мне было не до слов. Главное, я ощущала тепло его тела, вдыхала пьянящий аромат.

Вино кружило голову, я закрыла глаза, полностью отдаваясь партнеру. Впервые танец перестал быть для меня просто танцем. Превратился в интимный чувственный и желанный процесс. Знаменующий еще что-то важное.

– Вам плохо, дорогая? – услышала обеспокоенный голос графа.

– Нет, мне хорошо.

– Думаю, вам нужно на воздух.

– Как скажете, – пролепетала я, в тот момент готовая пойти с ним хоть на край света.

Горсе улыбнулся и вывел меня на балкон. Ночной воздух мгновенно охладил разгоряченную кожу, я поежилась. И ощутила, как на плечи легло что-то теплое.

– Я не прошу себе, если вы заболете, леди Майлини, – проговорил граф.

Я почувствовала, как в душе разливалась благодарность, смешанная с еще более сильными чувствами.

– Благодарю, граф.

Балкон был огромен, он опоясывал имение по периметру. Помимо нас, здесь прогуливались и другие гости. Граф раскланивался с некоторыми, уводя меня все дальше. Друг с другом мы больше не разговаривали, пока, наконец, не остановились возле ажурной решетки за колоннами.

Я подошла почти к самому краю. Шагни вперед, подстреленным лебедем слетела бы вниз. Ощущение опасности роднилось с тем чувством, которое мне доводилось испытывать, играя на флейте. А оттого приносило несказанное удовольствие.

– В эту ночь звезду сверкают для вас, леди.

Горсе встал позади, его дыхание шевелило волосы, выбившиеся из прически.

– Вы преувеличиваете, граф, – ответила я.

– Нисколько, дорогая.

Крепкие руки легли на талию, поддерживая.

– Лишь только для вас одной.

Он склонился и поцеловал в шею. Я дернулась, пытаюсь отстраниться, но не смогла. Еще никогда в жизни никто не прикасался ко мне так нежно и властно одновременно. Да что там, ни один мужчина никогда не дотрагивался до меня.

Глаза сами собой закрылись, я отдалась неведанным ранее чувствам. Кровь, будто вскипела и расплавленной лавой потекла по жилам, сметая все на своем пути. Исчезли стыд и смущение, страх и огорчение из-за приказа отца, осталось лишь всепоглощающее удовольствие.

– Какая вы сладкая, моя леди, – говорил граф. – Вкуснее самого изысканного яства.

Я смутно понимала значение слов, качаясь на волнах его голоса, словно щепка в бурном океане. Душа воспарила над землей, устремилось к звездам, тело же горело под поцелуями Горсе.

– Я жажду испробовать вас всю. Только слово, одно лишь ваше слово, и я вознесу вас к самой Всесветлой.

Говорить я не могла. В тот момент, казалось, забыла человеческую речь, превратившись в бессловесное животное. Впрочем, граф не стал дожидаться, пока сумею обозначить свое желание, и ринулся на амбразуры. Ласки стали еще интимнее, хотя я даже не могла представить себе, что такое может быть. Кафтан Горсе, укрывавший плечи, упал. Граф целовал чувстви-

тельную кожу, спускаясь все ниже, пока, наконец, не добрался до кружев, украшающих лиф платья. Руками он сжимал ягодицы, даже через слои ткани я ощущала жар ладоней.

– Дочь! – голос отца услышала сквозь туман безумия. – Что ты творишь?!

Объятия моментально разжались, послышались шаги быстро удалявшегося человека. Я открыла глаза и посмотрела на барона. Отец прожигал меня гневным взглядом, рядом с ним неодобрительно щурился хозяин поместья, из-за мужчин выглядывали и другие свидетели пикантной сцены.

Я лихорадочно одернула подол и поправила кружева на лифе. Впрочем, эти поспешные действия нисколько не помогли, все, итак, поняли, чем мы здесь занимались. Я беспомощно заозиралась, ища графа Горсе, но тот растворился в ночи, не пожелав стать защитником. Оставил меня на растерзание толпы.

От стыда заалели щеки. Поддавшись порыву, я опозорила не только себя и отца, но и сестру. В глазах местной аристократии цена сестер Майлини, как невест, резко упала. Невольно мне удалось расстроить планы отца.

Я задрожала, судорожно обхватывая себя за плечи. Жар страсти, в котором купалась совсем еще недавно, погас, сменившись ознобом. Удовольствие – страхом и стыдом.

– Прошу прощения, маркиз, – отец повернулся к хозяину поместья. – С прискорбием хочу сказать, мы вынуждены покинуть вас. Я благодарю за столь радушный прием.

– Счастливого пути, – отозвался маркиз.

Его голос оставался приветлив, как и в тот момент, когда мы пришли, но взгляд. Маркиз Зеофир оглядывал отца со смесью брезгливости и интереса, будто неведомую и крайне противную на вид зверюшку. И я знала, этот взгляд Майлини не простит никому. Ни маркизу, ни мне. И если Зеофиру вряд ли грозили неприятности, то я получу сполна. Отец найдет способ отомстить мне за унижение. И от этого знания начинали подгибаться колени.

Найдя в себе силы, я попрощалась с присутствующими согласно этикету. Пусть этих высокомерных персон мне больше никогда не увидеть, вряд ли отец решит еще раз раскошиться на то, чтобы ввести опороченную дочь в свет, но хоть напоследок я буду вести себя как леди.

Глава вторая

Едва мы покинули поместье, барон с силой сжал мою руку и поволок к карете. А внутри, больше не церемонясь, от души ударил по лицу. Я взвизгнула от боли и заплакала.

– Подлая дрянь! – бушевал Майлини. – Опозорила семью! Навлекла насмешки на весь род! Ты об этом пожалеешь!!!

Я сжалась на скамье, стараясь уменьшиться в росте, стать незаметной. Щека болезненно пульсировала, даже плакать было больно. Зажмурилась, готовая к новым ударам, ведь отцу больше не нужно беречь мою красоту, сплетни в кругах аристократии расходились быстро, а потому уже завтра о проступке будет знать каждый. И ни одна уважающая семья не захочет породниться с Майлини. Вот только ударов больше не последовало.

Я приоткрыла глаза, робко поглядывая на отца. Барон сурово хмурил брови, на его лице ходили желваки, рот был гневно сжат. Майлини не скрывал ярости, но почему-то не обрушивал ее на беспутную дочь.

Вначале я даже приободрилась, но потом затряслась от ужаса. Отец был весьма расчетлив, а значит, не мог не иметь запасного плана на мой счет. Не сумев продать замуж, он поступит иначе. И его решение вряд ли приведет меня в восторг. Скорее, наоборот, не получив желаемого, барон сделает так, чтобы я как можно сильнее страдала.

До самых Черных Дубрав Майлини молчал. Молчала и я, боясь даже пошевелиться. Сидела в своем углу, как мышка, смотрела в пол и размышляла о своей участи. Сколько ни думала, так и не сумела ничего придумать. В голове крутились мысли, но реальность превзошла все ожидания.

Отец запретил возвращаться к себе в комнату, мне пришлось битых два часа мучиться от неизвестности, ожидая решения в холодной полупустой комнате на первом этаже. Если бы не нянюшка, тайком принесшая шаль, я наверняка замерзла и заболела. Но все равно, услышав зычный голос слуги, приглашавший в кабинет к барону, вздрогнула. И, не сумев успокоить сумасшедшее бившееся сердце, поспешила к отцу.

– Присаживайся, Виола.

Майлини выглядел спокойным и даже умиротворенным. Он явно уже решил, как поступит с дочерью, не оправдавшей надежды.

– Надеюсь, ты понимаешь, как подставила и себя, и сестру, и меня? – спросил он, едва я присела на краешек кресла.

– Да, отец.

– И понимаешь, что из-за своей выходки замуж тебе уже не выйти.

Я неопределенно пожала плечами, но глаз не подняла.

– Поясню, раз остались сомнения: высший свет тебя не примет. Никому не нужна девица, чья невинность под вопросом и чье поведение больше похоже на уловки продажных женщин.

Я густо покраснела.

– Отдавать тебя кому-то еще мне невыгодно. Не затем я тратил деньги на твое обучение, чтобы выдать замуж за торговца или вовсе безродного крестьянина. А потому, дочь, тебя ждет иная участь.

Против воли я вскинулась, обида заполонила сознание, готовясь вырваться криком или слезами. Вот так запросто он решил, что я недостойна, что я безмолвная кукла, готовая слепо следовать за велением его воли. И тут же сгорбилась, сдулась. Понимая, что отцу, в общем-то, все равно. Ни крики, ни слезы, ни мольбы не помогут. Он решил, а значит, мне остается только выполнять.

– Ты добровольно отдашь себя храму.

– Простите, отец, не расслышала, – пролепетала я, не веря ушам своим. – Что мне нужно сделать?

– Ты добровольно отдашь себя храму, – с мерзкой ухмылкой повторил барон. – Жрец готов забрать тебя прямо сейчас.

Меня, будто оглушило. Разверзся земля, и выйди сам Темный, наверное, чувствовала себя лучше. Я никогда не питала надежд, что Майлини любил нас с сестрой. Но вот так просто перечеркнуть мою жизнь, да что там, отдать рабыней в храм, такое привидеться не могло в самом страшном сне.

– Отец! – взмолилась я. – Одумайтесь!

– Молчать! – рявкнул Майлини. – Только так ты сможешь исправить свою ошибку и послужить семье!

– Мне не нужна такая семья, для которой я лишь товар! – вскочила я.

– Это не тебе решать, дзяньская полукровка! – взревел барон. – Будешь ерепениться, продам в дом терпимости, где тебе самое место. А вместо тебя со жрецом отправится Айя. Повторяю, пока она не надела брачный обод, я могу делать с ней все, что пожелаю. Выбирай, думай, но, так или иначе, я получу, что хочу.

Я без сил рухнула в кресло. Отец знал, куда бить. Дом терпимости не пугал меня так, как то, что сестра могла стать собственностью храма и навсегда лишиться возможности его покинуть только из-за моей глупости. Такого допустить не могла.

– Хорошо, отец, я выполню ваш приказ.

– Вот и отлично. А теперь будь добра, помолчи. Откроешь рот только тогда, когда велю. Жреца сейчас пригласят, он должен получить твое добровольное согласие. Ты понимаешь, Виола. Добровольное.

Выделив интонацией последнее слово, он внимательно посмотрел на меня. Я была вынуждена кивнуть. Пока отец вызывал слугу, пока тот бегал за жрецом, сидела тихо и даже не шевелилась. На меня напала апатия. Не хотелось думать, но колючие мысли все равно заполнили голову.

Меня продали. Пусть не замуж, но все равно отдали за возможность получить привилегии от храма. Помнится, нянюшка рассказывала, была у нее в деревне подруга, отдавшая себя добровольно храму. После этого семья девушки на долгое время освободилась от уплаты ежегодной пошлыны. Так произойдет и с отцом. Отправив меня за стены храма, он сэкономит уйму денег, кроме того, в глазах общественности будет выглядеть настоящим героем: не пожалел богам дочь.

Как все-таки удобно быть хорошим за чужой счет.

Я чуть слышно всхлипнула, не сумев сдержаться, и тут же украдкой вытерла слезы. Как раз вовремя, дверь отворилась, впуская в кабинет жреца. На меня он, казалось, не обратил внимания, сосредоточившись на бароне. Я невольно проследила за ним взглядом.

Жрец был стар, если не древен. Лыс, будто коленка, сгорблен, сухопар. И голос ему под стать: надтреснутый и глухой, будто кору об кору шоркали. Только глаза выделялись на морщинистом лице: яркие и живые, словно принадлежали молодому мужчине.

– Барон, – проговорил он, после того, как Майлини склонился в поклоне. – До храма дошли вести, будто одна из дочерей славного рода желает отдать свою душу богам.

– Все верно, жрец Мифил. Моя дочь Виола решила отринуть все бренное и стать ближе к Великим.

Едва фраза была произнесена, жрец повернулся ко мне и принялся разглядывать. Я не могла даже моргнуть, погружаясь в черноту глаз. Словно неведомая сила взяла меня в плен и тащила в бездну.

Но вот Мифил отвернулся, только тогда смогла вздохнуть. Оказалась, все то время, пока мы со жрецом играли в гляделки, я не дышала.

– Подтвердите слова отца, дитя, – проговорил он. – И мы сможем уйти.

Я колебалась всего миг, а потом решительно заявила:

– Барон Майлини говорит правду. Я, Виола Майлини хочу добровольно отдать душу и тело храму. Навсегда.

В конце голос дрогнул, но этого, казалось, никто не заметил.

– Раз так, вы можете попрощаться с близкими, а потом мы уйдем.

Я резво вскочила, желая обнять на прощание нянюшку, но была остановлена деликатным покашливанием отца.

– Дочь уже со всеми попрощалась, жрец.

Хотела возразить, но наткнулась на предупреждающий взгляд отца.

– Все верно, – не сумев сдержать скорбной улыбки, сказала я. – Мы можем идти.

Жрец кивнул напоследок барону и, поманив меня за собой, вышел. Я на мгновение остановилась, безотчетно потянулась к отцу, но тот лишь смерил недовольным взглядом, да махнул рукой велел убраться.

Надежда, родившаяся так внезапно, умерла в страшных муках. Я с трудом сдержала слезы, но все равно гордо подняла голову.

– Прощайте, отец. Будьте счастливы.

И, не дожидаясь от него ответных слов, вышла за дверь.

Жрец стоял чуть поодаль, ждал, но не смотрел на меня. Однако услышав, что хлопнула дверь, пошел дальше. Я с печалью оглядывала знакомую с детства обстановку. Каждая мелочь напоминала о счастливых моментах, проведенных в стенах Черных Дубрав.

Вот за этой нишей мне так нравилось прятаться в детстве от всех, мечтать, представляя себя сказочной королевной, за которой обязательно придет принц. А на этом окне я сидела по ночам, когда все спали, и до рези в глазах всматривалась в темноту. Казалось, луна разговаривала со мной, посылала волны любви, будто мать. По этим коридорам и лестницам я бегала с сестрой, радуясь каждому новому дню.

До парадной двери оставалось всего ничего, когда услышала душераздирающий крик:

– Мисс Виола!!!

Я резко развернулась на каблуках и тут же попала в объятия нянюшки.

– Кошечка, моя! – старушка плакала навзрыд, заливая одежду слезами. – И тебя отдал, продал ирод окаянный!

Я на миг закрыла глаза, не давая слезам воли, и отодвинулась от нянюшки.

– Мне нужно идти, родная, – говорила ей, ощущая, как с каждым произнесенным словом боль в груди становилась лишь сильнее. – Все будет хорошо, нянюшка. Ты мне веришь?

Старушка подняла заплаканное лицо.

– Только на то и надеюсь, кошечка моя. Что присмотрит за тобой Всесветлая, не даст в обиду.

Я нашла в себе силы улыбнуться.

– Прощай, нянюшка, если получится передать весточку, передам.

Старушка всхлипнула и отодвинулась, освобождая путь.

– Надеюсь, больше никто не захочет попрощаться? – спросил жрец.

– Нет, – глухо ответила ему. – Больше никто.

– Тогда нет нужды оставаться здесь.

Снаружи ожидали еще двое жрецов, явно рангом поменьше, чем Мифил. Они вначале поклонились старшему и только потом обратили внимание на меня. Я смутилась и отвела глаза, но все равно успела заметить, как были похожи жрецы. Словно братья-близнецы: древние, сухопарые, лысые. Неужели все служители богов одинаково стары? Или, что более вероятно,

за ворота храма выпускали только таких: немощных, никому не нужных. Возможно, и я когда-нибудь вернусь сюда в облике древней старухи.

С грустью посмотрела вдаль, мысленно задаваясь вопросом о том, что меня ожидает.

– Пойдем, – приказал Мифил. – Время не ждет.

У жрецов не было ни экипажа, ни лошадей, они шли пешком. Но наш путь закончился быстро, прямо у ворот первого храма, выстроенного по приказу отца в рощице недалеко от Черных Дубрав. Однако я все равно успела продрогнуть на ветру в легком бальном платье.

Первым вошел Мифил, следом велели переступить порог и мне, замыкали процессию другие жрецы.

– Хочешь ли ты поговорить с богами? – спросил старший. – Попросить о чем-то?

Я пожала плечами, хотела отказаться, но в последний момент передумала. Подошла к статуе Всесветлой и встала перед ней на колени. Закрыла глаза и зашептала, вкладывая в слова душу:

– Мне ничего не нужно, но прошу, Всесветлая, помоги сестре. Защити ее от беды, укрой от плохих людей, дай счастье.

Воздух самую малость потеплел, а в голове раздался тихий голос.

– Пусть будет так, дитя.

На глазах все же выступили слезы, но то были слезы радости. Богиня услышала, она поможет той, кого я любила больше всех на свете.

Глава третья

Мысленно поблагодарив Всесветлую, поднялась с колен.

– Я готова, жрец, – обратилась к Мифилу.

– Что ж, осталось лишь одно.

Он подошел ближе, всматриваясь мне в лицо.

– Боги должны сделать выбор.

Я задрожала, в груди похолодело от дурного предчувствия.

– Отпусти руку в Чашу, – велел жрец. – Дай сущностям попробовать твой вкус.

Он подтолкнул меня к Чаше, в которой тут же взметнулось божественное пламя. Я невольно попятилась, прячась от жара, но была вынуждена вернуться.

– Сунь руку в огонь, иначе мне придется помочь тебе.

Я обернулась, надеясь получить поддержку, но увидела лишь черные гипнотические глаза.

– Руку в огонь, – Мифил повторил приказ. – За непослушание я могу сделать с тобой все, что хочу. Ты сама отдала себя храму.

Я судорожно кивнула, а после повернулась к Чаше. Досчитала мысленно до трех и сунула руку в огонь. Вот только вместо боли ощутила ласку, будто огромная кошка потерлась о кожу. А потом указательный палец кольнуло, словно в него впиалась заноза. Я ойкнула и попыталась одернуть ладонь, но не смогла. Не сумела даже пошевелиться. Затем место укола заledenело, тоненькая струйка холода поползла вверх по руке. Все выше и выше, пока не добралась до плеча. Холодок свернул к груди, замораживая тело, и остановился возле сердца. Новый укол, и холод проник внутрь. Я закричала, ощущая, как оно бешено билось. Все сильнее и сильнее, пока, наконец, не замерло. Ровно на миг, не давая перепугаться до смерти, а потом снова заработало.

– Выбор сделан, – донесся голос Мифила. – Сам Темный выбрал тебя, дитя.

Я отпрянула.

– Не хочу. Не хочу к нему...

Все пятилась и пятилась, пока не наткнулась на твердое. Стена. Дальше убежать было некуда. Я затрепетала, задрожала испуганной ланью. Страх гнал прочь из храма: мимо замерших в скрюченной позе жрецов, мимо древних статуй, дальше от Мифила, долой от самого Темного. Душа жаждала свободы, но ноги не двигались. Черные глаза жреца пригвоздили меня к земле.

– Ты по собственной воле отдала себя богам! – проговорил Мифил. – Сама!

Его слова отражались от стен, усиливались, проникая, казалось, в сам мозг. Причиняли боль. Я с силой сжала ладонями уши, только бы избавиться от терзающих звуков, но все было напрасно. Для слов Мифила не существовало ни границ, ни времени, ни пространства. Они рисовали в моей голове ужасные сцены из древних легенд, в которых Темный расправлялся с целыми армиями неспособных противостоять ему людей. Как мучил тысячи и тысячи, призывая на их род кары.

– Ты по собственной воле отдала меня себе! – ревел голос, уже вовсе не похожий на бесцветный сухой Мифила. – Ты принадлежишь мне! Иначе пожалеет тот, кто тебе дорог!

Я содрогалась от ужаса, не могла противостоять силе этого голоса. Смотрела, запоминая каждый эпизод, проживала вместе с его участниками.

Наконец, звуки стихли. Блаженная тишина бальзамом пролилась на истерзанные нервы. Я подняла глаза на Мифила.

– Я больше не буду сопротивляться. Что нужно делать?

– Слышать. Слушаться. Поступать правильно.

– Хорошо, жрец. Я поняла, я буду послушна.

– Раз так, тогда сейчас завяжу тебе глаза. Дальнейший путь до Обители ты проведешь в повязке. Не беспокойся, дойти тебе помогут.

На слове «Обитель» я вздрогнула, снова захотела сбежать, но приказала себе не шевелиться. Лишь кивнула.

Мифил, будто сказочный волшебник вынул из полов жреческого одеяния черный платок. Свернул пополам, превращая в повязку.

– Повернись, Виола.

Я послушно встала к жрецу спиной. Тут же на глаза легла ткань. Платок был плотным и колючим, кожа на лице мгновенно зачесалась. А еще он пах чем-то кислым.

Затем меня взяли под локоть и повели. Достаточно осторожно, чтобы не сломала ноги и не ударилась. Пусть я ничего не видела, слух и ощущение положения тела в пространстве пока не подводили. Вначале скрипнула дверь, затем в нос ударило затхлым, пол пошел под наклон. Значит, из храма на улицу мы не выбрались, а направились другим путем. Думаю, в храме имела еще одна дверь, возможно, в подвал или подземелье.

Некоторое время мы спускались, затем провожатый, кто именно я не знала, остановился и придержал меня. Справа послышался звенящий металлический звук, будто открывали решетчатые ворота на башне.

– Пойдем. – Голос был незнаком.

Значит, ужасный Мифил остался наверху, а меня сопровождал кто-то из его помощников. Я вздохнула с облегчением. Рядом раздался едва слышный смешок. Сделала вид, что не услышала.

Мы вновь пошли. По ощущениям, спуск закончился. Все так же пахло затхлостью, но, кроме того, появился новый незнакомый запах. Как я ни приноживалась, ни ворошила память, так его и не узнала.

Под ногами поскрипывали мелкие камушки, слышался звук капающей воды. Однажды до голый руки кто-то дотронулся. От неожиданности я вскрикнула и остановилась.

– Что случилось? – спросил провожатый.

– Меня кто-то задел! – истерично взвизгнула я.

Прикосновение было противным, будто по руке провели пупырчатой лягушачьей кожей. От этого мурашки побежали по спине.

– Тебе показалось, – равнодушно ответил незнакомец. – Пока, кроме нас, здесь никого нет. Пойдем, нужно поспешить, ночь в туннеле тебе не понравится. Не всем здешним обитателям по душе присутствие человека.

От этих слов меня заколотила дрожь. Воображение работало хорошо, а поэтому я без труда представила, во что превратится путь, когда коридоры туннеля заполнятся местными жителями.

– Не так быстро! – прикрикнул провожатый, когда я со всех ног понеслась вперед. – Мне велено доставить тебя в целости и сохранности.

– Разреши снять повязку, тогда нам обоим станет легче, – предложила я. – Я никому не расскажу, что видела здесь.

– Нет, – категорично отказался мужчина, лишь крепче сжал на моей руке пальцы. – Нельзя.

Дальше мы шли молча. Я прислушивалась изо всех сил, боясь пропустить появление хозяев подземелья. На этот раз путь был гораздо длиннее. Несколько раз мы останавливались, чтобы попить, перекусить и просто постоять, поотдыхать. Присесть мне не предложили, впрочем, я и сама не стала бы садиться. На полу что-то неприятно хлюпало и фыркало. Легкие туфельки давно промокли и неприятно холодили ноги.

Вскоре я устала так, что перестала даже бояться и ждать нападения. А потому не сумела удержаться от вскрика, услышав злобный рев, казалось, сотрясший стены.

– Спаси, Всесветлая! Что это?!

– Не что, а кто, – раздраженно ответил сопровождающий. – Похоже, хозяин этих мест решил нынче выйти на охоту пораньше.

Я едва не лишилась чувств. Даже воображения не хватало представить того, кто мог издавать подобные звуки.

– И что делать? – на этот раз шепотом спросила я. – Возвращаемся?

– Нет, конечно, идем вперед. Поверни назад, нас точно не ждет ничего хорошего. Идем.

Если еще минуту назад мне казалось, что сил больше нет, то теперь ноги сами несли прочь от ужасных звуков. Провожатый не останавливал, наоборот, подгонял.

Время шло. Сердце, казалось, билось где-то в горле, я запыхалась. Успела несколько раз стукнуться свободным локтем, видно, коридор катастрофически сузился. Ударить большой палец ноги, который теперь безжалостно ныл. И наступить на ногу провожатому.

– Шевелись. – Гнал он. – Быстрее.

Я преодолевала себя, но мы все равно не успели. Очередной рык раздался близко, слишком близко. Рядом ругнулся провожатый, я и не знала, что жрецам так можно.

– Я снимаю повязку, – проговорил он. – Смотри четко перед собой, ни назад, ни в сторону.

И снял тряпку. Я прищурилась: от стен шло нестерпимое фиолетовое сияние. Мир перед глазами выглядел нереалистичным и пугающим.

– А теперь беги! – крикнул мужчина, подталкивая вперед. – Не останавливайся, я догоню тебя возле следующих ворот.

Повторять приказ ему нужды не было, создание, что шло следом, сделало все само. Подгоняемая голодным протяжным рыком, я бросилась со всех ног вперед по коридору. Лишь на миг остановилась, развернулась и посмотрела на провожатого. Им оказался один из помощников Мифила. Но тут невидимый пока зверь вновь взревел, и я снова побежала. Немощный старец остался.

Очередные ворота показались слишком быстро, чтобы можно было почувствовать себя в безопасности. Выросли за очередным поворотом, преграждая дальнейший путь. Я вцепилась в решетку, потрясла, навалилась всем весом, но ворота не шелохнулись. В бессилии скатилась по решетке вниз, прямо в жижу, что покрывала пол. Больше ничего сделать не могла, оставалось только ждать.

Позади меня в коридоре развернулся бой. Неведомое чудовище яростно, почти не прекращая, ревело. В его вопли вклинивались свистящие звуки и глухие хлопки. Фиолетовое сияние от стен померкло, или во вспышках, то и дело освещающих пространство, его было не так заметно. Стены тряслись, с потолка падали камни. Я скрючилась на полу, закрыла руками голову, прячась от их жалящих ударов. А еще пыталась дышать через раз, коридор буквально пропитало невыносимым смрадом. Зажмурившись, мысленно повторяла молитву, прося Всесветлую сжалиться. И надо мной и над тем, кто сейчас бился с чудовищем.

Сколько продолжалось все это, не знаю. Наконец стало тихо. Внезапная тишина испугала почище рева. Я поднялась на ноги и помотала головой, чтобы избавиться от гула. Снова прислушалась. Тишина. Ни воплей зверя, ни шагов провожатого.

Кто победил, а кто проиграл?

Время шло. Я боялась пошевелиться, только тряслась от холода. Мокрые ноги застыли, грязное платье совсем не грело. Стало казаться, что мне придется остаться здесь навечно, погребенной заживо в темных коридорах.

Когда ждать дальше стало невыносимо, я пошла. Вначале медленно и осторожно, останавливаясь, прислушиваясь, замирая на каждом шагу. Затем все быстрее и быстрее, пока, наконец, не побежала. Страх и неизвестность гнали вперед, туда, где, возможно, уже нет живых.

Чем ближе я подходила к тому месту, где оставила жреца, тем сильнее становилась вонь. Легкие с трудом насыщались воздухом, в груди что-то неприятно булькало. От запаха резало глаза, по щекам бежали слезы. Чудом оставаясь в сознании, я все же доползла до провожатого. Нашупала его неподвижное тело, лежащее в зловонной луже. Остального не видела, Всесветлая сжалась, укрыв от взора ужасную картину.

Чем дольше я находилась рядом с тушей чудовища, тем быстрее уходили силы. В какой-то момент поняла, что промедление может стоить жизни. А потому, схватив жреца за руки, поволокла его по скользкой жиже прочь.

Мужчина весил предостаточно, путь казался бесконечным. Если бы не Айя с ее вечными требованиями быть сильной, бегать каждый день, я не смогла доволочь жреца даже до поворота. Опустив его руку, упала рядом, позволяя себе отдохнуть. И видимо, все же потеряла сознание, очнувшись только оттого, что кто-то звал меня по имени.

– Виола. Виола очнись, пора идти.

С трудом подняла веки. Некоторое время пялилась на жреца, а потом изо всех сил зажмурилась. Либо глаза обманывали, либо сошла с ума. Облик провожатого размазывался, двоился. Я одновременно видела старика, одного из помощников Мифила, и молодого мужчину.

– Вставай, Виола. Нужно идти.

Он прикоснулся к моей руке. Я замотала головой, одергивая ладонь.

– Не могу! Оставьте меня здесь! Зачем вам сумасшедшая?!

– Сумасшедшая? – удивленно переспросил мужчина.

– Да! Мой разум больше не служит мне. – Я снова открыла глаза. – Я вижу одновременно старика и молодого. Такого не может быть!

Жрец помрачнел. Отвел на мгновение глаза, а потом вновь впери в меня яростный взгляд.

– Твой разум в порядке, мой облик и вправду течет, – сухо проговорил он. – Ты лишь видишь то, что тебе не положено. Нельзя.

Я судорожно сглотнула, а жрец схватил меня за обе руки и вздернул на ноги.

– И что теперь, – спросила, с трудом найдя в себе силы. – Ты убьешь меня?

Спросила и сама же испугалась, заозиралась, ища пути к бегству. Вот только пути не было. Позади меня были ворота, которые не сумела преодолеть.

– Должен тебя убить, – сказал жрец, продолжая буравить меня взглядом. – Но не убью, я не забываю помощи. Долг жизни превыше всего.

– Долг жизни? – переспросила я.

– Ты вернулась и вытащила меня из смрада гниющей плоти сариуса. Я благодарен тебе, Виола.

Я неловко улынулась.

– А теперь нам нужно идти. Нужно успеть дойти до Обители, пока больше никто из местных жителей не решил выйти.

Кивнула, а потом, ругая себя за несдержанность, задала еще один вопрос:

– А если я решу рассказать всем о том, что видела?

– Умрем оба, – пожал плечами жрец. – Я за то, что позволил увидеть, ты из-за того, что увидела. Еще вопросы?

Больше вопросов не было. Провожатый вновь нацепил на меня черную повязку, на этот раз пахнувшую саурисом, и взял под локоть.

– Как тебя зовут, жрец?

Тот долго не отвечал, но все же сказал:

– Крон. Хотя ты можешь сразу забыть это имя.

Остальной путь до Обители прошел в молчании. К моей радости, на нас никто больше не нападал. Жиха под ногами исчезла, вонь постепенно уходила. Защищенные повязкой глаза отдыхали от губительного излучения стен. Даже усталость пропала, видно, полежав в беспмятстве на холодном полу, я отдохнула. На плечи жрец накинул свою грязную, но все равно теплую накидку. Волновали только ноги, я почти не ощущала пальцев.

– У меня ужасно замерзли ноги, – пожаловалась жрецу.

– Понимаю, но ничем пока помочь не могу, – отозвался он. – Потерпи, мы почти дошли.

И правда, буквально через несколько минут Крон снова велел мне остановиться. Знакомый скрежет сказал, что очередные ворота открыты.

– Можешь снимать повязку, – разрешил он. – Уже можно.

Я с радостью избавилась от грязной тряпки и взглянула на провожатого. От старика, стоявшего возле моего дома, не осталось ничего. Прямая спина, высокий рост, мышцы, бугрившиеся на руках, волевой подбородок, даже голос изменился, став насыщенным и сильным. Только глаза были прежние: серые и яростные.

– Каков же ты настоящий? – прошептала, вглядываясь в Крона. – Стар или молод?

Жрец ухмыльнулся.

– А каким тебе больше нравлюсь? Стариком или молодым?

Я не ответила. Крон договорил сам.

– Выходя наверх к людям, мы принимаем обличие стариков. Даже, правильнее сказать, становимся старыми. А потому торопимся вернуться, ведь дни наверху для нас сочтены. Тот, кто не успеет за неделю оказаться в Обители, умирает. Наш Бог позаботился о том, чтоб его слуги всегда возвращались.

Я поспешила отвести взгляд, не зная, что сказать в ответ. И не сумела сдержать удивленный возглас: мы стояли на вершине скалы, с которой был виден город. Черные дома, черные крыши, блики от факелов, игравшие в окнах. С высоты Обитель Темного была похожа на изысканную фигурку из обсидиана.

– Всесветлая, как красиво! Божественно прекрасно!

– Не нужно произносить Ее имя здесь, ми. Это Обитель ее брата.

– Прости, – покорно согласилась я. – И мое имя не Ми, я Виола.

– С первым шагом за стены города ты лишишься права на имя. Забудь его. Привыкай, теперь ты ми – собственность бога.

– А ты?

– Я мирай, как и остальные.

Горечь в голосе жреца вернула на землю. Там внизу не драгоценный камень, а Обитель Темного. Самого жестокого из богов.

Спускались по ступеням, выдолбленным в породе. Сердце каждый раз замирало, стоило ноге неловко скользнуть к обрыву. И тут же начинало свой бег, ведь Крон держал крепко. Даже несмотря на ужас, леденящий жилы, мне хотелось, чтобы спуск был бесконечным. Но в один далеко не прекрасный момент, мы все же сошли с последней ступени. Преодолели последние метры до стены и только тогда остановились.

– Прощай, ми..., прощай, Виола, – развернул меня к себе жрец. – Не ищи меня, не спрашивай, никто не ответит. Будь тиха и послушна, тогда, возможно, Темный не обратит на тебя внимание. Тогда когда-нибудь через много-много лет ты сможешь в последний раз увидеть солнце. Сможешь поговорить с Ней. Поняла?

– Спасибо, Крон, – всхлипнула я. – Буду стараться.

– Хорошо. А теперь иди прямо. Ворота тебя пропустят.

– А ты?! – я невольно схватила его за руку. – А как же ты?!

– Мои ворота дальше, здесь пропускают только новеньких ми. Иди, не заставляй себя ждать. И помни: тиха и послушна.

Крон разжал мои сведенные пальцы и подтолкнул вперед.

– Прощай, – одними губами прошептала я и, отвернувшись, пошла вперед к воротам, которые тут же открылись, стоило подойти ближе.

Трясаясь от страха, вошла внутрь. Ворота с шумом закрылись, темнота поглотила меня, забирая свободу, отгораживая от прошлой жизни.

Глава четвертая

Темнота не была непроглядной, вскоре я начала различать силуэты. Силуэты двигались и шуршали как полчища крыс. Замерла, боясь сделать лишнее движение, наступить на чей-нибудь мерзкий лысый хвост. Прислушивалась, всматривалась в темноту, пока, наконец, пространство за воротами не было освещено.

Когда глаза привыкли к свету, я огляделась. Оказалось, никаких крыс и в помине не было, в закутке между входными воротами и массивной дверью стояли десятка полтора девушек. Большинство были низкого происхождения, лишь у двоих отцы вращались в аристократических кругах.

Девушки с любопытством оглядели мое грязное бальное платье, но никто не подошел и вопросов задавать не стал. Некоторые сбились в кучки и шушукались, другие держались особняком и с независимым видом гипнотизировали каменные стены. Я подумала, не стоит заводить знакомства. Лучше подождать, посмотреть, что да как, а после решить.

Так мы и стояли, пока откуда-то сверху не раздался голос. На этот раз женский каркающий.

– Я требую тишины.

Девы дружно вздрогнули, ойкнули, но моментально перестали шушукаться и замерли, настороженно поглядывая на потолок. Я тоже подалась настроению толпы и глянула вверх, но никого там не увидела.

– Сейчас вы проследуете за мной, вашей проводницей. Я доведу вас до купален, где вы сможете смыть дорожную пыль и переодеться.

Говорящая замолкла, зато распахнулась дверь. За дверью стояла женщина лет сорока, больше всего она напоминала ворону.

– За мной, ми, – прокаркала женщина и, развернувшись, пошаркала куда-то вдаль.

Девушки посеменили следом. Мне ничего не оставалось, как идти за ними. Шли по закрытому проходу, я видела только каменные стены и потолок из непонятного материала. Проход оканчивался очередной массивной дверью, которую и отперла ворона.

– Дверь парильни там, – вновь прокаркала она, махнув влево. – Одежду скидываете возле лавок. Помывшись, надеваете ту, что лежит на полках. Она одинаковая, а потому склок я не потерплю.

Я присмотрелась к тому, во что была одета провожатая: черное рубище с десятками мелких пуговиц, длинными рукавами, воротом до подбородка и подолом до пят. Даже на вид ткань была груба и наверняка кололась.

Девушки торопливо вошли в комнату без окон, стали переглядываться, шептаться, настороженно косясь на женщину.

– Шевелитесь! – прикрикнула Ворона. – Нужно успеть на вечернюю молитву.

Девушки принялись неловко стягивать с себя одеяние. Но, видно, не слишком быстро, потому как женщина вновь повысила голос.

– Те, кто не успел на вечернюю молитву, лишаются ужина.

Я решила не затягивать с омовением, как и большинство девушек. Девушки быстренько разделись, сложив одежду у лавок, и гурьбой отправились в парильню. Чувствуя, как от стыда загорели щеки, я вошла самой последней. Все-таки не привыкла ходить обнаженной перед столькими чужими людьми.

Внутри было жарко, замершие ноги моментально закололо тысячами иголок. Витал пар, укрывая тела белесым саваном. Я немного приободрилась. Раз уж мне почти не было видно остальных девушек, значит, и они практически не видели меня. Теперь, главное, понять, как здесь мыться. Оказалось, проще простого. У дальней стены на полу стояли большие тазы, куда

стекала вода из желобов, и ковшики. Возле желобов в нише на стене лежали мыльные принадлежности.

Когда очередь, наконец, дошла, я с наслаждением опрокинула на себя первый ковш, а после уселась в таз и смежила веки. Даже тот факт, что кроме меня, здесь мылось еще неведомое количество женщин, не волновал. Прямо сейчас тело требовало тепла и отдыха.

Впрочем, власть насладиться купанием мне не дали. Скрипнула дверь, и туман голосом Вороны велел поторапливаться. Пришлось открывать глаза и быстренько домываться.

Полотенец ми не полагалось, вместо этого Ворона велела всем встать возле одной из стен в комнате, где мы раздевались. Затем она нажала на выступ, и из дыр пошел теплый воздух. Он-то и высушил влажную кожу. Пришло время одеваться.

Как и опасалась, одежда оставляла желать лучшего. Только черное платье из жесткой ткани и грубые башмаки. Ни белья, ни чулок ми не давали. Едва я надела платье, кожа под ним страшно зазудела. Пришлось, скрипя зубами от желания почесать, терпеть.

– За мной, ми, – скомандовала Ворона, когда все девушки облачились в одежды. – Не отставать.

Нестройной колонной нас повели прочь из купален в молельный зал. Зал был огромен, мрачен и темен. Тысячи свечей, стоявших вокруг статуи Темного, оказалось недостаточного, чтобы полностью его осветить.

Кроме того зал был поделен на три части. Слева располагались женщины: все в черном, с опущенными головами и отрешенным видом. Справа в красных рясах, повязанных черным поясом, находились жрецы. И если мужчины стояли, то ми все как одна сидели на коленях. И, наконец, посередине возвышалась статуя Темного, а у ее подножья небольшой деревянный помост.

Новеньких ми усадили дальше от центра, мы практически сливались с черными стенами. Я обрадовалась такому порядку, чем дальше от Темного, тем лучше. Ведь не зря Крон предупреждал меня быть незаметной. И я стану таковой и когда-нибудь увижу солнце. Если, конечно, неведомая болезнь не убьет раньше. Ведь зелье осталось у отца.

Замечтавшись, я не заметила появления еще одного человека. Лишь когда пламя свечей взметнулось до потолка, была вынуждена отвлечься. Облаченный в черную рясу на помост возле статуи Темного взошел человек. Я сразу его узнала. Несмотря на молодость, глаза оставались теми же самыми: глубокими, проникающими в самую суть. Им был Мифил. Жрец обвел зал тяжелым взглядом, показалось, что он безошибочно нашел меня среди новеньких ми. Против воли я задрожала. И даже не задалась вопросом, каким образом он попал в Обитель, ведь кроме нас с Кроном, больше никто не шел по тому страшному коридору.

Мифил повернулся спиной ко всем, взмахнул руками, призывая к тишине, и запел. Заунывная песнь полетела к статуе Темного. Слов я не понимала, Впрочем, и без того было понятно – это торжественное обращение к богу. И Мифил скорей всего Верховный жрец.

Настроившись на тягостное ожидание, была неприятно удивлена тем, что и мне пришлось подпевать. Вначале присоединились другие жрецы, потом и ми. Я растерянно оглянулась, затем решила скромно отмолчаться, но короткий болезненный удар в спину дал ясно понять, что Ворона не спала, бдела.

Песнопения длились, казалось, вечно. Колени устали, глаза слипались, голос пропал. Я с трудом заставляла себя издавать звуки, больше похожие на завывания плакальщиц, чем пение. Получив еще один удар, была вынуждена отбросить лишние мысли и сосредоточиться на пении. Но вскоре Мифил закончил. Провыл на высокой ноте последнее непонятное слово и замолчал. Сдерживать вздох облегчения я не могла, как и остальные новенькие ми.

Верховный жрец ушел первым, следом потянулась нескончаемая вереница его «красных собратьев». Только потом пришел черед ми. Новенькие отправились на ужин последними.

В животе уже неприлично урчало и бурлило. Я бледнела и краснела от стыда, но никто, казалось, не слышал криков моего желудка. Ми выглядели пришибленными и растерянными. Видно, события прошедших дней дали о себе знать. Девушки даже не разговаривали. Легкий гул шепотков исчез.

Трапезная походила на огромный склеп: темный, мрачный и холодный. Посередине вышлся стол, за которым сидел Мифил и еще четверо жрецов. В одном из них я с удивлением узнала Крона.

Столы остальных жрецов располагались кругами. Видимо, чем ближе красный был к верховному жрецу, тем выше его статус. Женщины сидели на полу на камнях, вместо столов рядом с ними стояли широкие подносы. Особого порядка в расположении ми не было, они сидели кружочками и молча ужинали. Головы не поднимали и на мужчин не смотрели. Новеньких ми усадили возле выхода.

Трапеза особым разнообразием не отличалась. Перловка без масла и мяса в щербатой миске и кружка воды. Ложка ми не полагалась. Я несколько приуныла, но все равно решила попробовать. Впрочем, надолго меня не хватило. Мало того, что в крупу не доложили мяса, оказалось, и соли в ней не было. А потому я отодвинула миску и, «растягивая удовольствие», короткими глотками выпила пахнущую тиной воду. Надо сказать, у мужчин на столах было больше выбора.

– Здравствуй, – вдруг раздался боязливый шепот.

Повернувшись, посмотрела на свою соседку, невысокого роста пухленькую блондиночку с россыпью веснушек на носу.

– Здравствуй, – так же тихо ответила ей.

– Я Зорана, а тебя как звать? – бесхитростно поедая взглядом, спросила Веснушка.

– Виола.

– Скажи, Виола, а ты будешь еще кашу?

– Нет, я уже наелась. – Пододвинула к ней миску. – Кушай, пожалуйста.

Веснушка улыбнулась, демонстрируя кривоватые зубы, и в одно мгновение сцапала подношение.

– Спасибо.

Каша исчезла из миски моментально.

Едва Верховный жрец завершил трапезу, закончился ужин и для остальных. Новеньких ми повели спать в пещеру-барак. Ворона не особо церемонилась, коротко велел занимать свободные. Я заглянула в первую попавшуюся. Спальня была похожа на келью. Узкая, туда помещались лишь две кровати, да низенький столик, одежду полагалось класть в небольшой ларь. Дверей не было, только что-то похожее на шкуру закрывало нишу. Туалетной комнаты тоже. Справлять надобности предлагалось в конце коридора в общей комнате.

– Эй, Виола, можно к тебе? – протиснулась в келью Веснушка.

Я пожала плечами. Пока что никто не хотел ко мне присоединиться, но раз здесь две кровати, значит, все равно поселят еще кого-нибудь. Так что пусть уж лучше этим кем-то будет условно знакомая Зорана.

– Проходи.

Веснушка тут же заняла кровать, которая приглянулась и мне.

– Ты не против? – хлопая ресничками, спросила она.

Я покачала головой.

Ворона велела спать, сказав, что завтра с утра все будут работать. А потому мы потушили свечу и улеглись. Сколько сейчас времени я не знала, часов здесь не было, как и солнца. Я печально вздохнула.

Солнце. Увижу ли его когда-нибудь?

Ночью под землей было холодно, но я не мерзла. Пусть одеяло противно пахло горелой шерстью, но было теплым. Зорана тихонечко посвистывала во сне, не мешая скорее усыпляя. Незаметно для себя, я улетела в царство сна. Там не было ни Темного, ни его Обители, ни страшного Мифила. Во сне мы с сестрой были вместе: я играла на флейте, а Айя танцевала. Счастье.

Из сна меня выдернули бесцеремонно и грубо. Над ухом вначале чем-то стукнули, отчего я чуть не умерла от страха, а потом голосом Вороны проорали:

– Подъем, ленивые курицы!

Я тут же подскочила и стала озираться. Шкура-дверь покачивалась, говоря о том, что надсмотрщица уже вышла. Зорана тоже не спала, широко распахнутыми глазами глядя на меня.

– Ну и голосище, – шепнула она, поглядывая на дверь. – В моей деревне ее бы давно прикопали где-нибудь в лесу.

Я не ответила, надела башмаки и вышла из кельи. Перед работой было бы неплохо посетить туалет, а то мало ли чем и где велят заняться. Через десять минут в келью вновь вошла Ворона на этот раз в сопровождении жреца.

– Руки вытянуть! – приказала надсмотрщица.

Мы с Зораной послушно вытянули вперед руки. Веснушка пыталась заигрывать с молодым жрецом, но он, казалось, не видел направленных на него пылких взглядов. Лишь выполнял свою работу.

Вынув из чехла кинжал, жрец полосонул мне по запястью, заставив испуганно взвизгнуть.

– Молчи и не убирай руки, иначе отправлю чистить загон с химерами.

Судя по тому, как вздрогнул жрец, он не понаслышке знал, что это такое, и не хотел повторения. Я приняла это к сведению и решила потерпеть. Жрец набрал во флакон немного крови, а затем пошептал над раной. Царапина тут же затянулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.